

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

В номере:

**ВЫСТУПАЮТ АКАДЕМИКИ И. М. МАЙСКИЙ,
С. Д. СКАЗКИН, В. М. ХВОСТОВ**

**КОМПАРТИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

ШОРИНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО КРИТИКИ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЧЕ ГЕВАРЫ

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН НАД СТРАНОЙ ИЖКОВ

КУ-КЛУКС-КЛАУ

ЗАГАДКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

5

1971

**НОВАЯ И
НОВЕЙШАЯ
ИСТОРИИ**

5

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ

1971

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 1957 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В. М. Хвостов, В. И. Цапанов. Сотрудничество КПСС и СЕПГ — воплощение принципов пролетарского интернационализма	3
М. Ф. Кудачкин. Коммунистические партии Латинской Америки в авангарде антиимпериалистической борьбы	15
А. С. Бланк (Вологда). Нюрнбергский процесс и реакционная западногерманская историография	28
И. И. Жигалов. Изучение в СССР истории Скандинавских стран и Финляндии: анализ и перспективы	39

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

И. Р. Лаврецкий. Жизнь и смерть Эрнесто Че Гевары	46
В. И. Антюхина-Московченко. Шарль де Голль (продолжение)	62
В. В. Листов. Ветер перемен над страной инков	84
Э. В. Лисневский (Ростов-на-Дону). Ку-клукс-клан	99

ЗАГАДКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

О. Грёлер (ГДР). Некоторые соображения по поводу Дюнкерка	112
---	-----

СООБЩЕНИЯ

Н. П. Клименко (Хабаровск). Разногласия в буржуазных кругах Англии по поводу восстания тайпинов	119
---	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

Н. И. Лебедев. Четверть века борьбы СССР за мир	129
А. Л. Нарочницкий, В. Т. Фомин, Р. С. Шароватова. Ценный труд по истории Румынии	135
А. Д. Эпштейн. Методологические и историографические вопросы исторической науки в «Трудах Томского университета» (1963—1969)	144
Г. В. Павленко. Бисмарк, Германская империя и уроки истории	153

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

- Р. Ю. Каганова. «В. И. Ленин и международное коммунистическое движение». М., 1970 163
- Академик И. М. Майский. «Ежегодник германской истории, 1969». М., 1970 165
- Академик С. Д. Сказкин. И. Д. Овсянник. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971 166
- Х. Гарсиа, Ю. П. Лисовский. «История Италии». Т. 2. М., 1970 170
- Э. Э. Литаврина. М. С. Альперович, Л. Ю. Слезкин. Новая история стран Латинской Америки. М., 1970 172
- Л. И. Георгиев. В. И. Салов. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968 174
- Г. И. Чернявский (Харьков). А. С. Бейлис. Становление марксистской историографии в Болгарии. Львов, 1970 176
- Б. М. Туполев. Н. Д. Ратнер. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М., 1970 177
- А. Г. Судейкин. Л. Л. Зарина, С. Г. Лившиц. Британский империализм в Китае (1896—1901 гг.). М., 1970 179
- Б. К. Эренфельд. М. Д. Панов. Объект эксплуатации — иностранные рабочие. М., 1971 181
- И. М. Булычев. В. Н. Селиванов. Военная политика США в странах Латинской Америки. М., 1970; Ю. П. Горохов. Доминиканская Республика и американский империализм. М., 1970 183
- Г. Н. Коломиец. В. А. Харитонов. Парагвай: военно-полицейская диктатура и политическая борьба. М., 1970 184
- Н. А. Ерофеев. Э. Хобсбэум, Дж. Рюде. Капитан Свинг. Лондон, 1970 186
- А. Ф. Колодий. В. Болдуин. Бедность и политика. Чарлз Хилл, 1968 188
- И. И. Янчук. Дж. К. Лодж. Механизмы перемен. Интересы США и революция в Латинской Америке. Нью-Йорк, 1970 190
- С. З. Случ. Г. Ю. Шрёдер. Германия и США. 1933—1939 гг. Висбаден, 1970 191
- И. Б. Булай. Дж. А. Уиллиамс. Кинг, которого не спас бог. Размышления о жизни и смерти М. Л. Кинга. Нью-Йорк, 1970 194

НОВЫЕ КНИГИ

196

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Творческий путь советских ученых

- Доктор исторических наук В. А. Дунаевский, члены-корреспонденты АН СССР М. П. Ким, Ю. А. Поляков. Академик Милица Васильевна Нечкина . . . 199
- В. В. Рогинский. На V Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии . . . 207
- Р. М. Бродский (Львов). Изучение новой истории на кафедре Львовского университета . . . 209
- Ф. Ф. Шугтнев. Координация исследований истории второй мировой войны 210
- Б. А. Абрамов. О дипломатической и военной подготовке империалистической агрессии против СССР . . . 211
- А. В. Маныкин. Конференция военных историков . . . 212

Занимающиеся в сети партийной учебы могут использовать публикуемые в этом номере статьи академика В. М. Хвостова и В. И. Цапанова «Сотрудничество КПСС и СЕПГ — воплощение принципов пролетарского интернационализма» и М. Ф. Кудачкина «Компартии Латинской Америки в авангарде антиимпериалистической борьбы».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: А. Л. Нарочницкий (главный редактор), Н. Н. Болховитинов, В. Н. Винсградов, И. С. Галкин, И. Р. Григулески, Д. С. Давидович, И. И. Жигалов, И. С. Кремер, Г. С. Кучеренко, Н. В. Мостовец, Б. Ф. Поршнев, А. И. Соболев, Е. И. Тряпицын (ответственный секретарь), В. Т. Фомин, В. М. Хвостов

А. Д. Э П Ш Т Е И Н

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В «ТРУДАХ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА» (1963—1969 гг.)

За последнее десятилетие заметно возрос интерес историков всех специальностей к отечественной и зарубежной историографии, к новым историческим трудам и научному наследию, с которым преемственно связаны появляющиеся исследовательские работы.

Число фактов, статистических данных, новых источников, вводимых в научный оборот, нарастает год от года, порождая новые точки зрения и новые концепции. Отдельному историку, даже в пределах его профессиональной компетенции, становится все труднее учитывать новое научное накопление и охватывать расширяющийся поток информации. Для достижения историографической осведомленности требуется объединение сил в коллективной работе историков. Та же необходимость диктуется и задачами идеологической борьбы, которая предполагает обоснованную и дифференцированную оценку весьма разноликих тенденций и крайне разнородных концепций зарубежной исторической мысли.

В таких условиях собирателями сил и организаторами историографической работы выступили университеты, и в 60-х годах появились сборники, изданные в Казани, Саратове, Томске и Воронеже. В Томском, одном из старейших университетов страны, издание историографических сборников приобрело систематический характер. С 1963 по 1969 г. вышло шесть сборников. В них опубликовано 63 статьи, посвященные вопросам методологии и историографии и занявшие в общей сложности свыше 1700 страниц текста.

В Томске сложился устойчивый и работоспособный коллектив, который стал центром притяжения для историков, разрабатывающих историографические и методологические темы в Перми, Казани, Новосибирске, Волгограде, а также в Ленинграде и Москве. В такой концентрации сил несомненная заслуга зачинателя методологических и историографических исследований, создателя историографического семинара и редактора сборников проф. А. И. Данилова.

Особое место в рецензируемых шести сборниках принадлежит теоретическим работам. По своему характеру они представляют собой небольшие историко-философские исследования, краткость которых отнюдь не умаляет ни их оригинальности, ни их познавательной ценности. Она, напротив, обеспечивает четкую тематическую направленность и емкость доказательной аргументации. Шесть статей этого цикла посвящены гносеологическим основам исторической науки, четыре отводятся проблеме объективности и партийности в историческом познании, пять работ трактуют проблему марксистско-ленинского историзма, взаимосвязь истории и современности, в одной из статей рассматривается понятие актуальности в историческом исследовании.

Англо-американской историографии посвящены три обзора и две статьи об отдельных историках; германской историографии XIX в. — три общих и семь статей об отдельных историках; историографии ФРГ — четыре обзора; историографии ГДР —

шесть общих обзоров; наконец, франко-бельгийской историографии — один обзор и три статьи. В четырех статьях рассматривается русская дореволюционная историография и в стольких же работах — историография советская.

Несмотря на хронологическое и географическое разнообразие тематики работ и широкий круг явлений, охватываемых ими, все работы отличает вполне очевидное внутреннее единство, четко выражающее общую задачу и программу сборников.

Основная идея этой программы заключается в стремлении вскрыть движущие силы, определявшие развитие исторической науки на разных его этапах. С этим связано и раскрытие того воздействия, которое современность оказывала на движение исторической мысли, а также непрестанно менявшееся взаимоотношение между методологией и методикой исторического исследования.

При оценке истоков и формирования воззрений и концепций, характеризующих отдельных историков и целые школы, неизменно выясняются как социально-политические послылки мировоззрения, так и фактор идейно-логической преемственности, определявшей теоретико-методологические основы подхода к изучаемым объектам исторической действительности

Характерной и едва ли не самой ценной особенностью сборников является полное единство их содержания. Рассмотрение гносеологических и историко-философских проблем остается далеким от нормативного схематизма благодаря тому, что обобщения и полемические доводы покоятся на историографических наблюдениях, а историографический анализ произведений конкретных авторов, как и оценка школ и направлений, в свою очередь подчиняются всесторонне разработанным методологическим принципам исторического познания.

Тесная сопряженность методологии и историографии позволяет рассматривать саму методологию в ее движении и развитии и дает возможность применительно к каждому этапу выделять и подчеркивать более целесообразные и более прогрессивные критерии методологии и приемы методики. Ценность таких сравнительных сопоставлений в том, что они являются исторически проверенными выводами, вытекающими из всего обобщенного опыта историографии

Теоретическое наследие Маркса, Энгельса и Ленина творчески используется в гносеологических и общеметодологических статьях в ответственном и трудном противопоставлении прогрессивных методологических начал ретроградным традициям исторической мысли.

Ценной частью сборников являются обзоры, каждый из которых охватывает обширный материал, как правило, созданный многими авторами. Обзоры сочетают реферативное изложение с обоснованным рассмотрением соответствующих теорий, воззрений и конкретных трудов.

Укажем в качестве примера лишь на несколько обзоров такого рода. «Проблемы истории в истории философии» — так озаглавил И. С. Кон сравнительно небольшой обзор (сб. 1966 г.), посвященный историческим воззрениям философов древности, средневековья и нового времени, предшествовавших К. Марксу. Перед читателем в хронологической последовательности предстают разные мыслители, приводятся их высказывания и резюмируются взгляды. Связь между этими мыслителями не исчерпывается хронологией. И. С. Кон показывает, как шаг за шагом изменялся тот угол зрения, под которым корифеи философской мысли рассматривали историю и ее задачи. Со временем на смену скептическому пришло положительное отношение к истории и ее познавательным возможностям, начала складываться убежденность в прогрессивном и закономерном характере общественного развития, получившая, наконец, свое научное обоснование в воззрениях К. Маркса и Ф. Энгельса.

В сборнике 1967 г. опубликован обзор Е. В. Гутновой «Советская медиевистика с середины 30-х годов до 1966 г.» Автор поэтапно рассматривает деятельность нескольких поколений советских медиевистов и характеризует основные направления исследовательских поисков и работ. Оцениваются конкретные труды, очерчивается проблематика деятельности сектора истории средних веков Института истории АН СССР, а также проблематика ряда вузовских кафедр. В обзоре отводится особое место дискуссиям, характеризуется предмет научного спора, выявляются точки зрения его участников. В конце подведены обоснованные итоги и сделаны мотивированные предложения о направлении и тематике необходимых новых работ.

Несколько обзоров посвящено историографии отдельных стран. Они ценны тем, что суммируют материал, отражающий тематику исследований, направления научной мысли, общественно-политические и методологические позиции отдельных историков и их группировок в данной стране.

В сборнике 1966 г. помещен один из обзоров такого рода. Это работа Н. С. Черкасова «К оценке современного состояния западногерманской историографии». Охарактеризовав роль, которую традиционная немецкая историография играла в разжигании повиннистических страстей и милитаристского угара, автор передает затем атмосферу растерянности и шока, в которой оказались вчерашние апологеты «великой Германии» после разгрома третьего рейха. Он отмечает панические вопли о «нации, потерявшей историю», и более трезвые оценки «катастрофы», осмысливание которой заставило некоторых историков старшего поколения призывать к пересмотру политических лозунгов и требовать отказа от авантюристических «старо-прусских рецептов успеха» (Л. Дейо). Автор характеризует размежевание, в ходе которого отделившиеся от откровенных консерваторов буржуазные историки во главе с Г. Ротфельсом провозгласили разрыв с прусско-германскими традициями, отказ от «узкого национализма» и от ограниченности политической истории. Автор доказывает, что либеральная и демократическая фразеология лишь прикрывает косную сущность идущих за Ротфельсом историков, отныне взирающих на свою страну как на форпост «западного мира» и перешедших от прямой апологетики милитаризма к его полуоправданию мотивами атлантической солидарности.

В тесной связи с таким поворотом стоят и попытки ряда историков сблизить «немецкий» и «западный» образы мыслей. Они находят выражение в расширении научного диапазона исторической науки, в ее «экономизации» и «социологизации». Автор показывает, что историков этой группы характеризует враждебность к марксизму, значение и возросший авторитет которого четко осознают руководители данного направления — в обзоре оно оценивается как «псевдолиберальное». Как подчеркивает автор, историки-псевдолибералы используют в идеологической борьбе антикоммунизм, который в модернизированном виде выступает под флагом «анти тоталитаризма». Несомненный интерес вызывают их философские взгляды, лозунги «экзистенциального историзма», представляющего, по признанию ведущих представителей псевдолиберализма, «духовную контрсилу, противостоящую догматически-идеологическим конструкциям».

В обзоре отводится место и крайней оголтелой реакции: клерикально-милитаристскому «обществу имени Л. Ранке», совмещающему проповедь теологического агностицизма (неисповедимость путей господних в истории) с милитаризмом и реваншизмом. Внимательно рассматривается и стоящая на крайнем фланге реакции неофашистская группа историков

Еще более ценным является рассмотрение выступлений хотя и немногочисленной, но граждански смелой и активной когорты прогрессивных историков, связывающих постановку острых методологических вопросов с радикальной критикой пройденной Германией исторического пути. Именно они осмелились поднять вопрос о монополиях как подлинных виновниках второй мировой войны, они разоблачили ряд лживых традиционных мифов, служивших средством фальсификации германского прошлого, они же продемонстрировали реальную политическую функцию антикоммунизма в идеологической жизни ФРГ.

Н. С. Черкасову удалось четко показать размежевание сил среди западногерманских историков, ту напряженную открытую и скрытую борьбу, которая идет непрерывно и в которой растут новые передовые идеологические силы.

Примером несколько иного рода служит содержательный обзор (сб. 1967 г.) Г. В. Атласова «К характеристике некоторых тенденций в современной французской историографии», автор которого занят не систематикой разнородных течений, а критической оценкой методологии и результатов деятельности одного направления, до последнего времени доминировавшего во французской историографии так называемой школы «Анналов».

Отправной точкой обзора является последовавший на рубеже XIX и XX вв. поворот от господствовавших ранее традиций повествовательной истории, олицетворяемой именами Ш. Сеньобоса и Ш. Лянглуа, к истории иного плана, стремящейся к целостному

и многостороннему изучению развивающегося общества, охватывающему его экономическую и социальную жизнь, его психологию и культуру.

Главой нового направления был А. Берр, приступивший в 20-х годах к изданию многотомной «Эволюции человечества», задуманной им как продолжение знаменитой даламберовской «Энциклопедии».

Автор обзора справедливо подчеркивает, что, хотя Берр не сумел найти движущих сил изображаемой им эволюции, он ратовал за обогащение истории опытом других наук, протестовал против искусственной подгонки исторического процесса под надуманные схемы и первым повел наступление на позитивистскую историографию, упорно отрицавшую исторические закономерности.

Эстафету своих поисков Берр передал Люсьену Февру, Марку Блоку и Жоржу Лефевру. Средоточием дальнейших поисков метода стал основанный Блоком в 1929 г. журнал «Annales d'histoire économique et sociale», с самого начала развернувший острую борьбу по теоретико-методологическим вопросам. Февр и Блок одинаково восставали и против регистраторски бездумной событийности традиционной истории, и против априорной произвольности историософских построений. Провозглашая, что «историку нужна теория», они добивались перехода от познания к знанию, от собирания данных к такому обобщающему пониманию явлений, которое способно уничтожить барьер между историей и естествознанием.

Автор обзора выявляет ошибку Февра, считавшего, что этот гносеологический барьер окажется преодоленным, если поставить знак равенства между естественнонаучным экспериментом и творческим процессом отбора исторического факта. Несостоятельность подобного отождествления состоит в том, что историку, отбирающему исторические факты, приписывается такая же свобода, какую проявляет экспериментатор, варьирующий условия и компоненты производимых им опытов. Если бы историк действительно обладал столь полной свободой, он, по выражению того же Февра, «провел бы троянского коня субъективизма в город объективности». Борясь за повышение социальной значимости исторической науки, Февр и Блок устанавливали нарушенную их предшественниками связь между современностью и прошлым, но не искали связей настоящего с будущим, скептически отвергая возможность научного предвидения. В принципе признавая законы истории, они не пытались их формулировать. Блок опасался того, что формулировка законов сотрет и выхолостит то, что в истории является неповторимым и самобытным. Он сводил поэтому познание законов истории к обнаружению причинно-следственных связей.

В отказе от прогнозов проявилась буржуазная ограниченность мировоззрения, а уклонение от поиска законов истории свидетельствовало о бесперспективности исследований и бессилии самого метода. Если «абсолютная объективность» расценивалась как пустая догма наивного реализма, то призыв воздерживаться от оценок явлений и личностей, мотивированный изменчивостью подобных вердиктов, в свою очередь обнаруживал филистерский буржуазный объективизм Февра и Блока, нашедший выражение в лозунге: «Долг историка понимать, а не судить!»

Г. В. Атласов показывает, что возросшее внимание к экономической и социальной истории, которое явилось заслугой школы «Анналов», по существу обесценивалось: социальная история фактически перечеркивалась, а экономическая история крайне суживалась и сводилась к изучению техники, торговли, обращения. При этом формы собственности и стоящие за ними производственные отношения полностью игнорировались. Вне рамок исследования оставались процессы классовобразования и классовой борьбы. Если отказ от политической истории первоначально мотивировался пренебрежением к плоской повествовательности, то в конечном счете в этом отказе проявилось игнорирование классовой борьбы, выражавшейся в фактах политической истории. Такая однобокость узко понимаемой экономической истории отличает и работы нынешнего главы школы Ф. Броделя.

В борьбе с фактографией «событийной» истории принята на вооружение дюркгеймовская идея «коллективного сознания». Ключ к пониманию социальной среды ищут в особенностях коллективной психологии, трансформирующей психологию индивида в психологию коллектива. Автор обзора обоснованно подчеркивает, что социальная психология в трудах Ф. Броделя и Ж. Дюби произвольно обходит классовую многозначность психологии и создает иллюзорную видимость идеологической однород-

ности современного буржуазного общества В трактовке социальной психологии, в отбрасывании политической истории, в узком понимании истории экономической, в отказе от прогнозов — во всем этом проявляется неприятие классов и классовой точки зрения, подменяемой объективизмом, в свою очередь имеющим классовую природу.

В обзоре правильно поставлен вопрос о тех плодах, которые принесла «интеграция» — сближение исторической науки с другими дисциплинами: буржуазной социологией коллективной психологией, аксиологией, культурной антропологией. Правомерный ответ на данный вопрос гласит: «плоды» интеграции определяются тем, насколько научно состоятельными являются те области знания, к которым апеллируют историки школы «Анналов».

Нельзя не согласиться с автором обзора в том, что для превращения истории в качественно новую науку мало критики позитивистских схем и готовности повернуться к ним спиной, мало и сближения истории с иными дисциплинами, мало одного лишь стремления к синтезу. Главный просчет французских историков школы «Анналов» состоит в их неспособности объяснить материю того социально-исторического процесса, который лежит в основе изучаемых ими явлений, неспособности, определяемой классовой ограниченностью их метода. Явным симптомом этого основного просчета служат приведенные в обзоре выступления критиков данного направления в самой Франции, их призывы вернуться к прежним традициям малотеоретичной, яркой и не безличной событийной истории.

Пространность комментирования обзора Г. В. Атласова вызвана стремлением показать сложность специфики и трудность задачи, которую выполняет автор историографического обзора, если объектом анализа и критики становятся весьма спорные историко-философские и психолого-социологические концепции буржуазной науки.

Пример данного обзора важен, так как он не является единичным. Авторы других обзоров, вступая в аналогичную полемику с представителями буржуазной историографии, разрешают столь же сложную задачу При невозможности воспроизвести здесь их выводы и аргументацию мы поневоле ограничимся перечнем некоторых обзоров такого рода.

В. А. Гавриличеву принадлежит статья: «Теоретико-методологические основы гейдельбергской школы историков 20-х — 40-х годов XIX в.» (сб. 1966 г.). В этом же сборнике помещена и вторая его статья: «Об идейно-методологических принципах немецкой буржуазной историографии 50-х — 60-х годов XIX в.»

И. И. Шарифжанов предлагает вниманию читателей три статьи, посвященные англо-американской историографии: «К вопросу о релятивистском истолковании методологии истории в англо-американской историографии 40-х — 50-х годов XX в.» (сб. 1963 г.), «К оценке взглядов на общественный прогресс представителей современной англо-американской историографии» (сб. 1964 г.) и «Проблемы исторического познания в англо-американской исторической и общественно-политической периодике 1960—1965 гг.» (сб. 1967 г.). Таковы лишь некоторые из 17 обзоров, предметом которых является буржуазная историография зарубежных стран.

Не меньший интерес представляют и обзоры, посвященные советской историографии и историографии ГДР (шесть обзоров).

Бесспорно, столь же ответственную, а подчас и не менее сложную задачу осуществляют и авторы, сосредоточившие свое внимание на отдельных, как правило, крупных представителях зарубежной и отечественной исторической науки.

Остается сказать, что, подобно обзорам определенных направлений и группировок историков, статьи о выдающихся и крупных деятелях исторической науки отдаленного и недавнего прошлого написаны на высоком идейно-теоретическом уровне и представляют бесспорный интерес, в особенности для молодых историков.

При ознакомлении с этими статьями прежде всего бросается в глаза сходство их тематики. «Теоретико-методологические принципы исторической концепции Ранке» выясняет Н. И. Смоленский, «Теоретико-методологические основы исторических исследований Генриха фон Зибеля» рассматривает В. А. Гавриличев, «Теоретико-методологические основы исторической концепции Анри Пиренна» исследует Г. К. Садретдинов, «Теоретико-методологические принципы исторических исследований Сисмонди» изучает В. В. Иванов, «Идейно-теоретические основы исследований М. М. Ковалевского» освещает В. Т. Зонов. Однако за совпадением названий кроется не

инертность подражательности, а, напротив, требовательная активность единого и продуманного аналитического подхода. Авторы статей стремятся, прежде всего, войти в творческую лабораторию историка-исследователя и установить его теоретическое и методологическое кредо. Это — вопрос о школе, о преемственности традиции, о философских, социально-экономических и политических взглядах ученого, о воздействии исторической обстановки и эволюции этих взглядов, о тех индивидуальных особенностях, которые данный представитель исторической мысли внес в научное исследование.

Разумеется, постановка этой сложной проблемы вовсе не устраняет других задач, связанных с изучением вклада, внесенного данным историком. Так, например, Н. И. Смоленский, раскрыв теоретико-методологические принципы Л. Ранке, делает предметом другой статьи взаимосвязь методологии и методики у того же Ранке, а в третьей статье прослеживает посмертные судьбы его наследия, выясняя общность, связывающую Ф. Мейнеке с Л. Ранке.

Таким образом, раскрытие теоретико-методологических принципов составляет лишь знакомство с лабораторией мысли, с посылками исследования. Оно, однако, отнюдь не исчерпывает всей историографической задачи, а дает лишь необходимый ключ к углубленному марксистско-ленинскому пониманию литературного наследия конкретного историка. Интерес представляет раздел сборников в котором рассматриваются общетеоретические и методологические проблемы. Статьи этого раздела, смежные по теме, лишь дополняют друг друга.

Г. М. Иванов в статье «К вопросу о своеобразии исторического познания» очерчивает большой круг сложных и далеко еще не решенных вопросов. Задачи, содержание и назначение исторической науки, современность и прошлое, их взаимосвязь и обоюдная обусловленность, объективность и партийность в историческом познании, понятие актуальности, сущность исторического факта, его объективная или субъективная природа, источник как основа исторического факта, историзм — таков кратчайший перечень тем, обсуждаемых в данном разделе.

Понятия, считавшиеся простыми и однозначными, предстают перед читателем во всей их действительной сложности и спорности. Идет ли речь о предмете и характере исторической науки, об историческом факте или источнике, в каждом из этих случаев выясняются стоящие перед историком трудности и те расхождения, которые возникают между марксистской и буржуазной мыслью.

Ценность общетеоретических статей в том и состоит, что их авторы, опираясь на свою историографическую осведомленность, освещают соответствующие дискуссии, несколько не умаляя ни остроты коренных противоречий, ни сложности дебатированной проблемы. При этом последовательная и принципиальная борьба за марксистское решение спора сочетается с точным воспроизведением позиции идейных противников, положения которых убедительно опровергаются.

Определяя предмет и содержание исторической науки, Г. М. Иванов указывает, что, в отличие от дисциплин, рассматривающих отдельные стороны общественного развития: истории народного хозяйства, истории техники, истории языка, литературы, искусства и т. д., история изучает целостное развитие общества как единый процесс, неразрывно соединяющий прошлое, настоящее и будущее.

«История, — пишет А. И. Уваров в статье «Структура теории в исторической науке» (сб. 1965 г.), — это смещение в одном фокусе настоящего, прошедшего и будущего, это эволюция настоящего, уже ставшего будущим». В данном случае не столько признается, сколько переоценивается значимость прогнозирования как якобы уже практически вполне достигнутой возможности. Гораздо более реалистично звучат слова В. В. Иванова: «Современность не всегда реализует возможности, которые ей открывает история» (сб. 1967 г.). Последний вывод, опирающийся на ленинское положение о связи истории и современности, говорит о том, что преемственная связь прошлого, настоящего и будущего — это вовсе не геометрия прямых линий и что научный прогноз будущего доныне представляет собою в большинстве случаев трудную задачу.

Характеризуя историю как науку, всесторонне и комплексно изучающую развитие общества, Г. М. Иванов справедливо отмечает, что ту же задачу выполняет и другая общественная дисциплина — исторический материализм. Подобное совпадение задачи требует, естественно, разграничения исследовательских функций, и Г. М. Ива-

нов видит их размежевание в том, что исторический материализм рассматривает общие законы развития человеческого общества, тогда как предметом исторической науки являются конкретные процессы исторического развития отдельных стран и народов. Так, социолог при изучении социальной революции отвлекается от исторически конкретных форм ее проявления, поскольку его исследование призвано раскрыть «сущность социальной революции вообще». В противовес этому, исследователь-историк устанавливает различия и отличительные особенности революций Нидерландской, Английской и Французской как разновидностей буржуазной революции.

При всей убедительности предложенного разграничения оно едва ли исчерпывает задачу размежевания исторического материализма и истории. Историческая наука, как нам представляется, призвана осуществлять не только конкретизацию обобщенных выводов исторического материализма, но и разрешать до сих пор не решенные задачи познания прошлого, которые пролагали бы путь новым социологическим и историко-философским обобщениям.

Взаимоотношения исторического материализма и исторической науки, видимо, характеризует не только линия их разграничения, но и такая линия их взаимодействия, которая отводит истории роль творческой лаборатории и опытного цеха, пополняющего фонд новых и дифференцированных социологических обобщений исторического материализма.

Спор об объективности и научной ценности исторического познания красной нитью проходит через ряд статей. В противовес выдвигаемому современной буржуазной историографией пугилистическому отрицанию реальности постигаемых историком знаний о прошлом, авторы статей видят в историческом познании не всегда точное, но вполне реальное отражение мира, объективно существующего вне нас. Этим расхождением и объясняется острая гносеологическая полемика, центром которой оказывается спор об историческом факте как основной клеточке, образующей всю ткань нашего исторического познания.

А. И. Уваров (сб. 1965 г.) отмечает, что проблема факта, а тем более исторического — одна из труднейших в современной философии и логике. Она трудна не потому, что сложна классификация фактов. Затруднение создает не разбивка фактов по отраслевому признаку (экономические, политические, культурно-исторические и т. д.) и не их подразделение на «простые» (однократные) и «сложные» (факты-комплексы, факты-процессы). Материалы статей показывают, что объектом разногласий являются сознание простого и реконструирование сложного факта, чем и порождается дискуссия о природе исторического факта.

Опровергая субъективистское представление о том, что нет факта, существующего вне нас, авторы гносеологических статей в целом правильно (хотя отдельные формулировки иногда спорны) поясняют, что действительным поводом, но не оправданием подобной ошибки является процесс осознания исторического факта.

Как подчеркивает А. И. Уваров (сб. 1965 г.), традиция субъективного идеализма видит в историческом факте произвольную конструкцию, создаваемую историком. Традиция метафизического материализма, напротив, рассматривает факты истории как непосредственно заимствованные от действительности. Если в первом случае проявляется категорическое отрицание реальности и правды факта, то во втором случае имеет место наивная и некритическая переоценка достоверности источников.

Руководствуясь ленинской теорией отражения, авторы статей показывают, что мышление, которое осознает исторический факт, не является ни свободным, ни тем более произвольным. Как подчеркивает Г. М. Иванов (сб. 1969 г.), «мышление историка не творит, а открывает в форме научного факта реальную действительность прошлого». При этом минувшие события, именно в силу своей общественной значимости и в меру этой значимости, реже или чаще, глуше или ярче, отображались и в сознании запечатлевшего их в источнике летописца, и в мышлении позднейшего историка, переосмысливающего показания источника либо систематизирующего исторические факты. Поскольку с первичным отображением факта в сознании связано «нечто», привносимое самим автором источника, историческая наука разрешает эвристическую задачу критики источника. Также точно в картину прошлого, воссоздаваемую историком, привносятся субъективные моменты, которые в свою очередь становятся объектом критической оценки современников и позднейших ученых. С этим связан особый круг проблем методологии,

обнаруживающей под оболочкой субъективного социально обусловленный угол зрения, различный для разных поколений и школ научной мысли.

Условной оказывается и грань между простым и сложным фактом, который также дробится на составляющие его факты-частности. Отсюда и вывод о неисчерпаемости фактов истории. Этот вывод ведет буржуазную историографию к релятивистским толкованиям, тогда как для советской историографии он означает лишь представление о неограниченном многообразии масштабов и объектов исторического исследования.

Наиболее ценную часть общетеоретического раздела, пожалуй, составляет рассмотрение взаимосвязанных вопросов историзма, объективности и партийности исторического познания и взаимоотношения между историей и современностью. Историзм рассматривается не только в специально посвященной ему статье В. В. Иванова, но и в других работах. Авторам статей удалось показать, что проблема партийности и объективности исторического познания получает единственно возможное решение, лишь будучи поставленной в прямую связь с ленинским историзмом.

Если то, за что борется партия, отвечает исторической необходимости, то «партийные» стремления и оценки действительности равнозначны пониманию ее объективных требований. Это лишь означает, что объективно оправданной может быть только позиция авангарда прогрессивного класса, тогда как партийность реакционных классов и инертных социальных сил столь же неизбежно вступает в противоречие с логикой объективного развития.

Данный вывод иллюстрируется двумя статьями Б. Г. Могильницкого (сб. 1964 и 1967 гг.). На обширном материале новейшей и современной зарубежной историографии автор показывает, как результаты двух мировых войн и социальных потрясений XX столетия отразились на позициях историков Запада. Если ученый стоял на позициях прогрессивного класса или пришел к ним, он как исследователь мог идти вперед. Если же действительность лишь беспощадно ломала старые схемы, ученый либо впал в растерянность, либо выдвигал объективно ложные конструкции. В. В. Иванов приводит противоположный пример: как в трудной обстановке реакции запросы партийной борьбы вели В. И. Ленина к плодотворной постановке новых конкретных и теоретических вопросов.

В. В. Иванов в статье «К вопросу о разработке Лениным гносеологических аспектов соотношения истории и современности» (сб. 1969 г.) напоминает, что В. И. Ленин стремился максимально приблизить логику общественного сознания к объективной логике самого исторического процесса, т. е. привести массы к пониманию закономерностей истории, на ход которой они были призваны активно воздействовать. Этим подчеркивается как политико-воспитательная задача истории и пропаганды исторических знаний, так в первую очередь и значение самой проблемы исторического сознания. Различное для разных эпох историческое сознание давно перестало быть монополей историков-профессионалов, однако марксистско-ленинское понимание объективной логики исторического процесса утверждается именно в борьбе с ними. В этом плане рубеж истории и современности оказывается рубежом полемических столкновений, и авторы статей оспаривают те концепции, которые изыражают связи современности и истории, отстаивая свое понимание данной связи.

В. В. Иванов (сб. 1967 г.) подчеркивает, что марксистско-ленинское понимание соотношения истории и современности не допускает ни нигилистического пренебрежения опытом истории, ни такой абсолютизации этого опыта, которая авторитетом давности оправдывала бы отжившие институты, переставшие отвечать новым условиям и нормам социальной практики.

Другой автор. Г. М. Иванов, (сб. 1963 г.) раскрывает несостоятельность так называемого презентизма, модернизаторски стирающего грани между прошлым и настоящим, злоупотребляющего сомнительными аналогиями ради того, чтобы приемами ложного отождествления наделить прошлое чертами современности. Осовременивание прошлого разоблачается как форма апологетики тех явлений настоящего, которые провозглашаются незабываемыми. Мотивированный авторский вывод говорит о необходимости вскрывать сложный характер повторяемости исторических явлений, обнажая при этом за внешним сходством форм различия социальной сущности. Неправомерным приемам сближения современности и прошлого в той же статье противопоставлен успешно примененный К. Марксом метод ретроспекции, позволивший сквозь призму более раз-

витых категорий позднейшей капиталистической действительности рассматривать более ранние и более примитивные категории.

Объектом критики являются и ошибки, допускаемые в марксистской литературе и вызывающие смещение масштабов в оценках прошлого. «Ложно понятая актуальность, — шипит Б. Г. Могильницкий (сб. 1967 г.), — это подчинение изучения прошлого мимолетным импульсам настоящего».

П. Н. Хмылев (сб. 1964 г.) в статье, посвященной проблеме актуальности, раскрывает происхождение и характер типичной ошибки, возникающей в этом плане. Он указывает, что угол зрения, под которым рассматривается прошлое, подчас определяется не поворотным пунктом принципиального значения, а незначительным событием, которое почему-либо переоценили современники. Под это второстепенное событие и подгоняется история. Автор предлагает и свое позитивное решение проблемы актуальности. Нужность и ценность изучения той или иной темы в его понимании обусловлены тем, насколько она соответствует функциям исторической науки в общественной жизни. Данная формулировка бесспорна, однако ее широта мешает ей быть четким критерием отбора. Автор уточняет свою точку зрения. Имея в виду непосредственно исследовательскую задачу как общественно значимую функцию исторической науки, он признает актуальным последовательно ретроспективное объяснение острых проблем современности. При этом подчеркивается вся сложность преемственной связи между современностью и прошлым: корни современной эпохи могут находиться вовсе не в ближайшей, а в различных минувших эпохах. Лишь с позиции современности удастся установить, какие именно потенции прошлого оказываются живучими и воздействующими на современность.

Таким образом, речь идет о своего рода глубоком бурении давних пластов прошлого как о целенаправленном поиске, который диктуется острой проблематикой современности, с позиций марксизма-ленинизма. Работа такого рода полностью отвечает требованиям В. И. Ленина, считавшего что «марксист должен уметь считаться с самыми запутанными и причудливыми зигзагами истории»¹.

Призыв П. Н. Хмылева к раскрытию глубинных предпосылок современности как актуальной задаче историков заслуживает положительной оценки. Однако осуществление этого призыва встречает трудности, из которых главная состоит в том, что узкая специализация историков и традиция разработки локальных и хронологически тесно очерченных тем воспитали искусство исторического анализа, но затруднили возможность синтеза, поскольку исследование исторических явлений вытеснило изучение целостных процессов.

Серия сборников Томского университета, посвященных вопросам историографии и методологии истории, безусловно заслуживает высокой оценки и по богатству привлеченного материала, и по значимости той зрелой, активной историко-философской мысли, которая отличает авторов. Сборники эти ясно показывают, что при правильном, компетентном и принципиальном руководстве в наших научных учреждениях вполне возможна и целесообразна успешная разработка методологических проблем исторической науки.

Томским сборникам следует пожелать дальнейшего продолжения. Но ограничиваться данным пожеланием нельзя. Эти сборники стали библиографической редкостью. Они практически недоступны большинству аспирантов и молодых ученых, которым они всего более нужны.

Многие статьи из названных сборников следует переиздать. Повторное издание позволит авторам продолжить ряд обзоров, расширив их хронологические рамки. Применительно к новому изданию представляется целесообразным перегруппировать содержание сборников с тем, чтобы каждый из них был не разнохарактерным по составу, а тематически однородным.

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 8.

